

Т.А. Кузминская

[Воспоминания о Фете]

Из главы «Эдемский вечер»

В одно из майских воскресений в Черемошне собралось довольно много гостей: Мария Николаевна с девочками, Соловьевы, Ольга Васильевна, Сергей Михайлович Сухотин, свояк Дмитрия Алексеевича, и Фет с женой. Софеш, я и Маша нарядились, кто в белом, кто в розовом. Софеша заплела свои длинные косы, и я напевала ей:

Вокруг лилейного чела
Ты дважды косу обвила.
Твои пленительные очи
Яснее дня, темнее ночи,

И она была довольна, хотя говорила мне:

— Таня, вы все смеетесь надо мной!

— Да нисколько! Знаете, вы очень нравитесь Александру Михайловичу Сухотину, он очень хвалил вас, — говорила я.

Обед был парадный. Порфирий Дементиевич уже, поставив тарелку перед Дарьей Александровной, хлопотал у стола, не переставая говорить глазами, так как лакеи должны были быть немые.

Афанасий Афанасьевич оживлял весь стол рассказами, как он остался один, Мария Петровна уехала к брату, и он хозяйничал с глухой, старой экономкой-чухонкой, так как повар был в отпуску, и учил ее делать шпинат. А она приставит ладони к уху и повторяет:

— Не слышу.

«Тогда я кричу из всех сил:

— Уходите вон!

И сам делаю шпинат».

Все это Афанасий Афанасьевич представлял с серьезным видом, в лицах, тогда как мы все смеялись.

Я не знала за ним такой способности подражания. Милая Марья Петровна умильно глядела на мужа и говорила:

— Говубчик Фет сегодня очень оживлен. Дарья Александровна, он любит бывать у вас в Черемошне.

После обеда мужчины пошли курить в кабинет. Марья Николаевна села в гостиной играть в четыре руки с Долли, а мы, кто на террасе, кто в гостиной, слушали музыку. Когда они кончили, Долли стала наигрывать мои романсы, и меня заставили петь. Так как мы остались одни женщины, то я с удовольствием исполнила их просьбу. Как сейчас помню, я пела цыганский романс, «Скажи зачем», и вдруг слышу втору мужского голоса — это был Дмитрий Алексеевич. Прерывать пение было и жалко и неловко. Все вернулись в гостиную. Мы продолжали дуэт. Окончив его, я думала больше не петь и уйти, но было невозможно, так как все настойчиво просили продолжать. Мне было страшно петь при таком большом обществе. Я избегала этого. При том же я боялась критики Фета. «Ведь он так много слышал хорошего пения, хороших голосов, а я неученая», — думала я. Мой голос дрожал вначале, и я просила Дмитрия Алексеевича подпевать мне. Но потом он оставил меня одну и только называл один романс за другим, которые я должна была петь. Долли аккомпанировала мне наизусть.

Уже стемнело, и лунный майский свет ложился полосами на полутемную гостиную. Соловьи, как я начинала петь, перекрикивали меня. Первый раз в жизни я испытала это. По мере того, как я пела, голос мой, по обыкновению, креп, страх пропадал, и я пела Глинку, Даргомыжского и «Крошку» Булахова на слова Фета. Афанасий Афанасьевич подошел ко мне и попросил повторить. Слова начинались:

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок?
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Подали чай, и мы пошли в залу. Эта чудная, большая зала, с большими открытыми окнами в сад, освещенный полной луной, располагала к пению. В зале стоял второй рояль. За чаем зашел разговор о музыке. Фет сказал, что на него музыка действует так же сильно, как красивая природа, и слова выигрывают в пении.

— Вот вы сейчас пели, я не знаю, чьи слова, слова простые, а вышло сильно.

И он продекламировал:

Отчего ты при встрече со мною
Руку нежно с тоскою мне жмешь?
И в глаза мне с невольной тоскою
Все глядишь и чего-то все ждешь?

Марья Петровна суетливо подходила ко многим из нас и говорила:

— Вы увидите, что этот вечер не пройдет даром говубчику Фет, он что-нибудь да напишет в эту ночь.

Пение продолжалось. Больше всего понравился романс Глинки: «Я помню чудное мгновенье» и «К ней» — тоже Глинки на темп мазурки. Обыкновенно этот романс сопровождал меня Лев Николаевич, и замечательно хорошо. Он говорил:

«В этом романсе и грация, и страсть. Глинка написал его, бывши навеселе. Ты хорошо поешь его».

Я была очень горда этим отзывом. Он так редко хвалил меня, а все больше читал нравоучение.

Было два часа ночи, когда мы разошлись. На другое утро, когда мы все сидели за чайным круглым столом, вошел Фет и за ним Марья Петровна с сияющей улыбкой. Они ночевали у нас. Афанасий Афанасьевич, поздоровавшись со старшими, подошел молча ко мне и положил около моей чашки исписанный листок бумаги, даже не белой, а как бы клочок серой бумаги.

— Это вам в память вчерашнего эдемского вечера, Заглавие было — «Опять». Произошло оно оттого, что в 1862 году, когда Лев Николаевич был еще женихом, он просил меня спеть что-нибудь Фету. Я отказывалась, но спела. Потом Лев Николаевич сказал мне:

«Вот ты не хотела петь, а Афанасий Афанасьевич хвалил тебя. Ты ведь любишь, когда тебя хвалят».

С тех пор прошло четыре года.

— Афанасий Афанасьевич, прочтите мне ваши стихи — вы так хорошо читаете, — сказала я, поблагодарив его.

И он прочел их. Этот листок до сих пор хранится у меня. Напечатаны эти стихи были в 1877 году — десять лет спустя после моего замужества, а теперь на них написана музыка. Стихи несколько изменены. Приведу текст, который был мне поднесен:

опять

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.
Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна любовь, и нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб только дорогая,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.
И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь.
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,

Что ты одна вся жизнь, что ты одна любовь,
Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в ласкающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

А. Фет.

Я переписала эти 16 строк с описанием вечера Толстым. Стихи понравились Льву Николаевичу, и однажды он кому-то читал их при мне вслух. Дойдя до последней строки: «Тебя любить, обнять и плакать над тобой», — он нас всех насмешил:

— Эти стихи прекрасны, — сказал он, — но зачем он хочет обнять Таню? Человек женатый...

Мы все засмеялись, так неожиданно смешно у него вышло это замечание.

Странный человек был Афанасий Афанасьевич Фет. Он часто раздражал меня своим эгоизмом, но, может быть, я была и неправа к нему. Мне всегда, с юных лет, казалось, что он человек рассудка, а не сердца. Его отношение холодное, избалованное к милейшей Марье Петровне меня часто сердило. Она, прямо как заботливая няня, относилась к нему, ничего не требуя от него. Он всегда помнил себя прежде всего. Практичное и духовное в нем было одинаково сильно. Он любил говорить, но умел и молчать. Говоря, он производил впечатление слушающего себя.